

Мировая политика и международные отношения

УДК-32:327.5

ГЛОБАЛЬНАЯ РОЛЬ ЕВРОСОЮЗА: ЧТО И КАК ОБЪЯСНЯЕТ ОРГАНИЗАЦИОННАЯ ТЕОРИЯ*

И.Л. Прохоренко¹

В статье оценивается когнитивный потенциал организационной теории в анализе глобальной роли Европейского союза, прежде всего, как нормативной силы в мировой политике в рамках политики расширения, соседства, меж- и трансрегионализма, содействия международному развитию, деятельности в рамках международных институтов. Рассматриваются возможности использования таких ключевых понятий организационной теории, как «организация», «организационные поля», «организационные изменения», в методологии исследования основных направлений внешнеполитической стратегии ЕС.

Ключевые слова: Европейский союз; европейское политическое пространство; глобальная стратегия ЕС; организационная теория; организационные поля; организационные изменения.

Европейский союз (ЕС) является не просто необычным, а уникальным в своем роде актором мировой политики, поэтому исследователи европейской интеграции не раз испытывали методологические затруднения, изучая внешнеполитическую стратегию ЕС. Недостатки неореализма и структурного функционализма, связанные главным образом с невозможностью объяснить природу европейского интеграционного объединения в категориях национального государства, пытались преодолеть сторонники транснационализма, конструктивизма, пространственного подхода. Некоторые из них, рассматривая ЕС в качестве влиятельного игрока на международной арене, концептуализировали его как некую нормативную силу [19] или нормативного стратегического актора [28, 16], признавая то влияние, которое Евросоюз оказывает и в силах оказать на международные процессы и третьи страны путем

* Статья выполнена при финансовой поддержке РГНФ, грант № 14-07-00046а «Участие Европейского союза в глобальном хозяйственном управлении: организационный анализ».

¹ Прохоренко Ирина Львовна – кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник, Институт мировой экономики и международных отношений Российской академии наук (ИМЭМО РАН), Москва, РФ. E-mail: irinapr@imemo.ru.

@ Прохоренко И.Л., 2015

экспорта своих норм, принципов и ценностей. Сторонники системного подхода, в свою очередь, критиковали данную точку зрения, видя в этом попытку оправдать слабость Европейского союза как международного актора или проводя аналогии между ЕС и метрополиями прошлых веков, которые навязывали колониям свои стандарты цивилизации, обвиняя тем самым Евросоюз в своеобразном неокOLONIALИЗМЕ [20; 6].

В свою очередь, в анализе внешнеполитической стратегии Евросоюза как международной организации оказывается полезной организационная теория, которую не следует воспринимать как теорию стратегического менеджмента для применения исключительно в целях экономического анализа и практики предпринимательской деятельности [26; 15].

Организационная теория интерпретирует организации как социальные организмы, исследуя проблемы управления ими, взаимодействия организаций как между собой, так и с международной средой, а также имиджа, культуры и идентичности организаций. В отличие от неореализма и структурного функционализма, организационная теория предлагает качественно иную исследовательскую парадигму, ключевыми опорными элементами которой выступают категории «организация», «организационное поле» и «организационное изменение». Государства остаются ключевыми участниками политического процесса, однако государственно-центричная парадигма оказывается уже не в состоянии дать анализ происходящих в современном мире трансформаций.

Европейский союз как международная организация

Используя организационный подход и, в частности, известную дефиницию, предложенную Ричардом Дафтом, теоретиком, занимающимся вопросами экономики и менеджмента, можно рассматривать Европейский союз в самом общем виде как организацию, т.е. как некую социальную сущность, которая создается как сознательно конструируемая система, деятельность которой координируется, существует и функционирует благодаря сложным взаимоотношениям различных акторов, соединяя воедино ресурсы для достижения своих целей, отличается целенаправленным поведением, связана с внешней средой [4, 11-12].

Но может ли организация, пусть и международная, иметь внешнеполитическую стратегию по типу той, которую реализуют государства в интересах национальной безопасности, экономического процветания и защиты своих ценностей, обладает ли она достаточными для этого материальными и нематериальными ресурсами силы? Может ли в принципе Европейский союз, система многоуровневого управления которого децентрализована, сформулировать и эффективно проводить подобную стратегию с учетом интересов

28 государств-членов, и какие политические акторы играют решающую роль в продвижении этой стратегии?

К примеру, специалист по проблемам европейской интеграции и международной безопасности Майкл Смит, отвечает на эти ключевые вопросы утвердительно и проводит аналогии между главными внешнеполитическими интересами некоего идеального государства и Европейского союза – физическая безопасность, экономическое процветание, защита ценностей, полагая, что Союз обладает достаточными ресурсами «жесткой» и «мягкой» силы в условиях борьбы за глобальное лидерство [25].

Рассматривая стратегию Евросоюза во вне, по европейской интеграции условно выделяют несколько ее основных направлений, помимо двусторонних отношений с таким крупными субъектами международных отношений, как США, Россия, Китай, Бразилия [18; 1, 549-597; 8; 11].

Что касается регионального измерения внешнеполитической стратегии ЕС, то, во-первых, это политика расширения Евросоюза, которая предполагает определенные достаточно жесткие требования к кандидатам в члены ЕС (в настоящее время действуют «Копенгагенские критерии» вступления в ЕС) и прохождение последовательной и не всегда быстрой (вспомним пример Турции) формальной процедуры – от заключения соглашения об ассоциированном членстве до ратификации договора о вступлении.

Во-вторых, это европейская политика соседства. Речь идет об использовании различных инструментов влияния в 16 соседних или территориально близких к ЕС государствах Европы (6 бывших республик СССР – Армения, Азербайджан, Белоруссия, Грузия, Молдова, Украина) и Южного Средиземноморья (Алжир, Египет, Израиль, Иордания, Ливан, Ливия, Марокко, Сирия, Тунис, а также Палестинская автономия). На сегодняшний день эти страны не имеют перспектив членства в Евросоюзе, и ЕС заявляет о своих программах сотрудничества в этих странах на двусторонней, региональной и многосторонней основе, исходя из задач более тесного политического взаимодействия, частичной экономической интеграции, распространения европейских стандартов в различных сферах сотрудничества, поддержки со стороны ЕС в проведении экономических и социальных реформ [10].

Глобальное измерение имеет европейская политика меж- и трансрегионализма, тесно связанная с сотрудничеством ЕС с третьими странами в сфере торговли и инвестиций. Под межрегионализмом понимают оформленное институционально экономическое, политическое и социальное взаимодействие региональных интеграционных объединений, например, Европейского союза и Ассоциаций государств Юго-Восточной Азии (*АСЕАН*).

Трансрегионализм трактуют как сотрудничество интеграционных объединений с группами государств, которые в том или ином формате осуществляют согласованные действия, и даже с отдельными государствами, а также отношения между государствами и группами государств двух и более регио-

нальных интеграционных объединений [14, 17-30], а иногда – как набор формальных и неформальных институтов, норм и практик, которые пересекают поверх границ и соединяют географические регионы, направляя и ограничивая поведение государств, негосударственных авторов в конкретном предметном поле политики [2]. Как вариант трансрегионального сотрудничества можно рассматривать и усилия Евросоюза по активизации субрегионального, регионального сотрудничества и сотрудничества в рамках пространства европейской политики соседства в целом, а также трансграничного сотрудничества.

Фактически, речь идет о содействии и поддержке развития региональных интеграционных объединений в Африке, Азии, Латинской Америке, имея в виду нормативный характер европейской модели интеграции. Отношения с субрегиональными интеграционными объединениями выстраивают в едином формате на основе стандартных рамочных соглашений об ассоциации (их ЕС заключает с третьими странами).

Не всегда межрегиональное сотрудничество заменяет традиционный формат двусторонних отношений. Так, в 1990-е гг. в ответ на инициативу США по созданию панамериканской зоны свободной торговли ЕС стремился к подписанию подобных соглашений со всеми субрегиональными интеграционными группировками в Латинской Америке, планируя сформировать таким образом крупнейшую в мире трансрегиональную зону свободной торговли. Однако этим планам не суждено было сбыться в силу различных причин: многообразия проектов региональной интеграции в Латинской Америке, непростую внутривнутриполитическую ситуацию там, политические разногласия между Евросоюзом и латиноамериканскими странами, относительную разобщенность и недостаточную договорную способность политических элит государств региона. И хотя в долгосрочной перспективе Евросоюз не отказался от идеи создать евро-латиноамериканскую зону свободной торговли, в краткосрочной – сделал выбор в пользу двусторонних соглашений с субрегиональными группировками и отдельными государствами региона [5].

В условиях глобализации и становления системы глобального регулирования важным направлением внешнеполитической стратегии Евросоюза является продвижение европейской повестки дня и нормотворческая деятельность в рамках международных институтов и международных режимов, которые разрабатывают и внедряют новые правовые практики в сфере международного права, охраны окружающей среды и борьбы с изменениями климата, глобального финансового регулирования и надзора, устойчивого развития и т.д.

Наконец, Евросоюз разрабатывает и реализует программы помощи содействия развитию третьим странам в целях борьбы с бедностью, устойчивого экономического, социального и экономического развития, продвижения

демократии, верховенства закона, внедрения практик хорошего управления и уважения прав человека.

Внешнеполитическая стратегия ЕС: конструирование «организационных полей»

Основные направления внешнеполитической стратегии ЕС можно исследовать, используя понятие «организационного поля». Сторонники организационного подхода и последователи социологического институционализма, одного из направлений неинституциональной теории Пол Ди Маджо и Уолтер Пауэлл утверждают, что структурные изменения в организациях (т.е. перемены во внутренней структуре, организационной культуре, программе, целях и задачах организации) все менее и менее предопределяются конкурентным соперничеством и стремлением добиться большей эффективности, а являются результатом процесса, который делают организации более похожими друг на друга, однако необязательно более эффективными, и происходит это в рамках так называемых организационных полей [7, 147].

Организационные поля в понимании Ди Маджо и Пауэлла представляют собой группы организаций, которые составляют признанную зону институциональной жизни и осознанно структурированы. Структуру этих полей можно исследовать эмпирически, они институционально определены и ограничены. В качестве таких организационных полей могут выступать, например, двусторонние и транснациональные зоны свободной торговли, соглашения о межрегиональном сотрудничестве, двусторонние партнерства и в этом своем качестве представлять определенный вызов тем государствам, которые не являются их участниками.

В идее такого поля главным является важность связанности (*connectedness*) (существование формальных и неформальных транзакций и связей между организациями на регулярной основе) и структурной эквивалентности (сходство позиций организаций в сетевой структуре). В организационном поле выделяется доминирующая организация (или организации) – в нашем случае явно или неявно это Европейский союз, что особенно ярко проявляется в европейской политике соседства.

Актеры поля, обладающие неодинаковой силой и поэтому разным положением в этом поле, должны в идеале разделять консенсус по поводу коллективного стратегического действия и действовать, исходя из согласованных позиций, придерживаться в своей практике общих норм, принципов, стандартов и правил поведения. Таким образом, организационные поля представляются как пространства силовых взаимодействий акторов в их борьбе за организационную власть и доминирование. Такие организационные поля имеют границы (и отнюдь не воображаемые, а формально кодифицированные).

Организационные поля предстают не только как горизонтальный срез взаимоотношений нескольких или множества организаций. Отдельные организации также могут представлять собой поля, но в вертикальном протяжении [8, 22-26]. Вероятно, мы можем считать организационным полем в том числе и сам Европейский союз, куда при соблюдении определенных требований входят государства, политические элиты которых разделяют и формулируют новые общие ценности, принципы и нормы поведения.

Что особенно важно в политическом анализе, организационный подход сочетает макро- и микроуровни исследования, и фактически, помогает в поиске ответа на вопрос, оказывают ли влияние процессы на микроуровне на региональные и глобальные явления и события и тем самым проясняет различные проблемы мировой политики. При этом микроуровень исследования не просто желателен, но обязателен и предполагает использование научных достижений различных дисциплин социогуманитарного знания, начиная с психологии индивидов как субъектов многоуровневого политического процесса.

Организационные изменения и явление изоморфизма в организационном поле

Предложенная Ди Маджо и Пауэллом трактовка организационного поля не является единственной в организационном анализе. Существует несколько вариантов понимания того, что представляет собой организационное поле, в организационной теории. Так, американский социолог Уильям Ричард Скотт предложил понятие «социетальных секторов», которое впоследствии заменил на «функциональное организационное поле», подчеркивая именно функциональный, а не территориальный принцип формирования организационного поля [22; 23].

Со своей стороны, Эндрю Хоффман из Миссиганского университета (США) уверен, что важна профильная специализация организаций – тогда выстроенное по этому тематическому принципу организационное поле становится центром диалога, споров, обмена информацией, а различающиеся между собой интересы организаций направлены на достижение различных конкретных задач, но в рамках единой тематической сферы [17].

В свою очередь, для американского социолога Нила Флигштейн конструирование организационного поля предстает как культурный феномен, который учитывает и существовавшие до этого социальные практики, и правила, возникшие в результате силового взаимодействия участников поля. Именно эти прежние и новые нормы и правила создают контекст коллективных действий в организационном поле [12; 13]. Организационные поля Флигштейн назвал «полями стратегического действия», динамику которых мож-

но проследить, используя категории конфликта/изменения и стабильности/порядка. В рамках поля Флигштейн различает имеющих исключительное влияние и возможности должностных лиц и тех, кто бросает вызов, а иногда – структурные элементы, осуществляющие управление. На последних возложены надзор за соблюдением действующих в поле правил и содействие общему ровному функционированию системы.

При этом ключевыми остаются вопросы о том, каким образом происходит институализация организационного поля, куда входят организационные участники, являются ли организационные изменения эпизодическими или непрерывными [27], хаотическими или их можно инициировать в тех или иных целях, контролировать и направлять, используя различные инструменты (меры координации и регулирования, мягкого и даже жесткого принуждения).

Таким образом, организационный анализ в новом ключе взглянуть на процесс европеизации, в ходе которого Европейский союз, используя «мягкую» силу, различные каналы влияния, а иногда и дифференцированный подход, постепенно внедряет в практику третьих стран по периметру своих границ и далеко от них свои нормы, идеалы и ценности. При этом дифференцированный подход отличает европейскую политику соседства, в которой использование поощрительных стимулов по принципу «больше за большее», который позволяет Евросоюзу увеличить свою поддержку тех партнеров, которые действительно реализуют совместно согласованные цели, активно сочетается с политикой ограничений (санкций) – в отношении Белоруссии, например (Евросоюз настаивает на освобождении и реабилитации всех без исключения политических заключенных в стране, отказе белорусских властей от практики запугивания и преследования представителей гражданского общества, оппозиции и СМИ).

С точки зрения уже упоминавшихся Ди Маджо и Пауэлла, процесс институционального структурирования организационного поля идет в четырех направлениях: расширение взаимодействия организаций в поле, возникновение жестко оговоренных межорганизационных структур доминирования и моделей коалиции, увеличение информационной нагрузки, которой организации в поле должны противостоять, развитие взаимной осведомленности среди участников организаций, которые вовлечены в совместное предпринимательство [7, 148].

Организационные поля функционируют, подчиняясь своей внутренней логике, и их можно считать достаточно автономными. Важным событием для организации представляется вхождение ее в организационное поле. Как справедливо полагал в свое время знаменитый французский социолог Пьер Бурдьё, «предварительным условием вхождения в поле является признание ценностей, которые поставлены на карту, и следовательно, признание пределов допустимого, переход которых будет означать исключение из игры. Из

этого следует, что внутренняя борьба может лишь вести к частичным революционным изменениям, которые могут разрушить иерархию, но не саму игру... [Попытки нововведений] всегда совершаются от имени игры, духа игры» [3, 134].

Вхождение в организационное поле имеет приобретение в том числе некоего символического капитала. Что касается политики расширения ЕС, то на протяжении всей истории европейской интеграции момент присоединения новых членов имел для них не просто политическое и экономическое, но и символическое значение, являлся формальным подтверждением выполнения обязательных условий членства и вступления в некий закрытый привилегированный клуб государств с определенным и признанным всеми высоким уровнем политического и экономического развития.

Для бывших социалистических республик Центральной и Восточной Европы, а еще раньше для бывших авторитарных режимов Южной Европы (Греции, Испании, Португалии) подключение к процессам европейской интеграции означало возвращение в Европу, в сообщество демократических европейских государств с рыночной экономикой. В свою очередь, причины именно политического и символического свойства зачастую имели гораздо большее значение, нежели экономические, и для европейских элит «старых» стран-участниц, которые принимали решения о расширении.

В рамках зон свободной торговли большое значение имеют экономические взаимность и обоюдная выгода, хотя и не всегда отношения в рамках подобных соглашений оказываются симметричными.

Сторонники организационной теории уверены, что организации, составляющие организационные поля, становятся с течением времени в определенном смысле изоморфными (т.е. похожими друг на друга, в первую очередь, одинаково устроенными), между ними возникает изоморфизм.

Ди Маджо и Пауэл выделили три движущие силы процесса институционального изоморфного изменения, которому подвергаются организации в организационном поле: 1) принудительный (коэрцитивный) изоморфизм, который возникает из политического влияния и стремления к легитимности; 2) подражательный (миметический) изоморфизм, который является результатом стандартных ответов на неопределенность; и наконец, 3) нормативный изоморфизм, который ассоциируется с профессионализацией – легитимизацией и принятием профессиональных стандартов в процессе обучения и профессиональной подготовки персонала, прежде всего, управленцев [7, 149-154]. Принудительный изоморфизм связан с внешней средой организационного поля, подражательный и нормативный изоморфизмы являются внутренними по отношению к полю.

В рамках поля организации моделируют себя, становясь похожими на другие организации, их воспринимают в этом поле более легитимными и успешными [7, 152].

Но как феномен изоморфизма в организационном поле связан с такими ключевыми понятиями, как эффективность и выживаемость организаций? Ди Маджо и Пауэл предполагают, что, становясь похожими на остальных участников организационного поля, организации повышают свою выживаемость, однако их эффективность от этого не выигрывает [7, 153-154]. Именно поэтому обратной стороной организационных изменений в сторону изоморфизма организаций могут стать и становятся организационная инерция и даже сопротивление изоморфным переменам.

Можно предположить, что нормы и ценности, которые претендующая на доминирование в организационном поле организация стремится достаточно мягко или жестко распространить и укоренить в процессе обучения среди остальных участников поля, могут вызывать как одобрение, так и неприятие. Тем более что процесс формирования новой организационной культуры и новой организационной идентичности в организационном поле является конфликтным по своей сути, а значит – нелинейным, а образ доминирующей организации – не всегда однозначно позитивным.

Не следует забывать в связи с этим, что само организационное поле Евросоюза является конфликтным в связи с несовпадением интересов и высокой конкуренции государств-членов (в частности, в сфере внешнеторговой политики). Организационными полями следует считать и активно формирующиеся сегодня транснациональные партнерства, прежде всего, в сфере торговли и инвестиционной деятельности (с участием и без участия Евросоюза), меняющие конфигурацию современного миропорядка и несущие в себе потенциальную вероятность перемен в процессах региональной интеграции в Европе, Юго-Восточной Азии, Северной и Южной Америке.

Вероятно, могут существовать и пределы для нормативной силы ЕС в пространственно-временном измерении внешнеполитической стратегии Евросоюза [21].

Подводя итоги, хотелось бы еще раз подчеркнуть фактические когнитивные возможности использования организационной теории в исследовании внешнеполитической стратегии ЕС и глобальной роли Евросоюза, в том числе ее символического направления, истоки которого берут начало в работах Макса Вебера, который рассматривал бюрократию как организационный феномен и социальный институт. Взгляд на организацию как на феномен культуры, в том числе в контексте не только профессиональной, но и гражданской и даже этнической идентичности, будет, вне всякого сомнения, содействовать более глубокому и многомерному пониманию внешнеполитической стратегии Евросоюза, поведения в рамках этой стратегии различных политических акторов – государств, региональных и местных властей, неправительственных организаций, бизнес-структур, групп интересов и т.д., а также возможностей и ограничений переноса европейских норм и ценностей на неевропейскую почву.

Библиографический список

1. Европейский союз в XXI веке: время испытаний / отв. ред. О.Ю.Потемкина. М.: Весь мир, 2012. 656 с.
2. *Betts A.* The global governance of migration and the role of trans-regionalism. In: *Multilayered Migration Governance: The Promise of Partnership* / ed. by Kunz R., Lavenex S., Panizzon M. London, New York: Routledge, 2011. P. 23-45.
3. *Bourdieu P.* Haute couture and haute culture. In: *Sociology in Question* / Transl. by R. Nice. London: Sage, 1993. Pp. 132–138.
4. *Daft R.L.* Organization theory and design. 8th ed. Mason, Ohio: South-Western, 2004. 656 p.
5. *Díaz-Silveira Santos C.* La estrategia inter-regional de la Unión Europea con Latinoamérica. Madrid: Plaza Y Valdés S.L., 2010. 420 p.
6. *Diez T.* Europe's others and the return of geopolitics // *Cambridge Review of International Affairs*. 2006. Vol. 17. No 2. P. 319-335.
7. *DiMaggio P.J., Powell W.W.* The iron cage revisited: institutional isomorphism and collective rationality in organizational fields // *American Sociological Review*. 1983. Vol. 48. No 2. P. 147-160.
8. *Emerson M., Balfour R., Biscop S., Kaczynski P.M, Renard Tm., Wouters J.* Upgrading the EU's role as global actor: institutions, law and the restructuring of European diplomacy. Brussels: Centre for European Policy Studies, 2011. 100 p.
9. *Emirbayer M., Johnson V.* Bourdieu and organizational analysis // *Theory and Society*. 2008. Vol. 37. No 1. Pp. 1–44.
10. EU Neighbourhood Info Centre [Electronic resource]. URL: http://www.enpi-info.eu/main.php?id=344&id_type=2 (access date: 10.04.2015).
11. *Europe's Global Role: External Policies of the European Union* / ed. by J.Orbie. Aldershot: Ashgate, 2009. 284 p.
12. *Fligstein N.* Social skill and the theory of fields // *Sociological Theory*. 2001. Vol. 19. No 2. Pp. 105-125.
13. *Fligstein N., McAdam D.* A theory of fields. Oxford: Oxford University Press, 2012. 256 p.
14. *Interregionalism and international relations* / ed. by Hänggi J., Rollof R., Rüländ J. New York: Routledge, 2006. 384 p.
15. *Hatch M.J., Cunliffe A.L.* Organization Theory: Modern, Symbolic, and Postmodern Perspectives. 3d ed. Oxford: Oxford University Press, 2012. 384 p.
16. *Hyde-Price A.* “Normative power Europe”: a realist critique // *Journal of European Public Policy*. 2006. Vol. 13. No 2. P. 217-234.
17. *Hoffman A.J.* Linking organizational and field-level analyses: the diffusion of corporate environmental practice // *Organization and Environment*. 2001. Vol. 14. No 2. Pp. 133-158.

18. *Keukeleire S., Delreux T.* The Foreign Policy of the European Union. 2nd. rev. ed. Houndmills: Palgrave Macmillan, 2014. 408 p.
19. *Manners I.* Normative power Europe: a contradiction in terms? // *Journal of Common Market Studies*. 2002. Vol. 40. No 2. P. 234-258.
20. *Nicolaidis K., Egan M.* Transnational market governance and regional policy externality: why recognize foreign standards? // *Journal of European Public Policy*. 2001. Vol. 8, No 3. P. 454-473.
21. *Pace M.* Paradoxes and contradictions in EU democracy promotion in the Mediterranean: the limits of EU normative power // *Democratization*. 2009. Vol. 16. No 1. P. 39-58.
22. *Scott W.R.* Conceptualizing organizational fields: Linking organizations and societal systems. In: *Systems rationality and parcial interests / ed. by Derlien H., Gerhardt U., Scharpf F.* Baden: Nomos, 1994. Pp. 203-221.
23. *Scott W.R.* Institutions and organizations. 2nd ed. Thousand Oaks: Sage, 2001. 280 p.
24. *Scott W.R.* Reflections on a half-century of organizational sociology // *Annual Review of Sociology*. 2004. Vol. 30. No 1. Pp. 1-21.
25. *Smith M.E.* A liberal grand strategy in a realist world? Power, purpose and the EU's changing global role // *Journal of European Public Policy*. 2011. Vol.18. No 2. P. 144-163.
26. *The Oxford handbook of organizational theory: meta-theoretical perspectives / ed. by Tsoukas H., Knudsen Ch.* Oxford: Oxford University Press, 2007. 666 p.
27. *Weick K. E., Quinn R.E.* Organizational change and development // *Annual Review of Psychology*. 1999. Vol. 50. Pp. 361-386.
28. *Youngs R.* Normative dynamics and strategic interests in the EU's external identity // *Journal of Common Market Studies*. 2004. Vol. 42. No 2. P. 415-436.

THE EUROPEAN UNION'S GLOBAL ROLE: WHAT AND HOW CAN ORGANIZATIONAL THEORY EXPLAIN

I.L. Prokhorenko

Cand. Sci. (Politics), Leading Researcher, Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO RAN)

The article was prepared with the financial support of the Russian Humanitarian Science Foundation (RHSF), grant No 14-07-00046a "The European Union in global economic governance: organizational analysis".

The author evaluates the cognitive potential of organizational theory in the analysis of the global role of the European Union as essentially a normative power in world politics in the context of enlargement policy, European neighbourhood policy, inter- and trans-regionalism, development and cooperation policy, rule-making

activity in the network of international institutions. The study analyses capabilities of using such key concepts of organizational theory as “organization”, “organizational field”, and “organizational change” in research methodology of the EU foreign policy strategy guidelines.

Key words: European Union; European political space; EU global strategy; organizational theory; organizational fields; organizational change.

References:

1. The European Union in the XXI century: time of trials / ed. by O.U.Potemkina. Moscow: Ves' mir, 2012. 656 p. (In Rus.).
2. *Betts A.* The global governance of migration and the role of trans-regionalism. In: *Multilayered Migration Governance: The Promise of Partnership* / ed. by Kunz R., Lavenex S., Panizzon M. London, New York: Routledge, 2011. P. 23-45. (In English).
3. *Bourdieu P.* Haute couture and haute culture. – In: *Sociology in Question* / Transl. by R. Nice. London: Sage, 1993. Pp. 132–138. (In English).
4. *Daft R.L.* Organization theory and design. 8th ed. Mason, Ohio: South-Western, 2004. 656 p. (In English).
5. *Díaz-Silveira Santos C.* La estrategia inter-regional de la Unión Europea con Latinoamérica. Madrid: Plaza Y Valdés S.L., 2010.420 p. (In English).
6. *Diez T.* Europe's others and the return of geopolitics // *Cambridge Review of International Affairs*. 2006. Vol. 17. No 2. P. 319-335. (In English).
7. *DiMaggio P.J., Powell W.W.* The iron cage revisited: institutional isomorphism and collective rationality in organizational fields // *American Sociological Review*. 1983. Vol. 48. No 2. P. 147-160. (In English).
8. *Emerson M., Balfour R., Biscop S., Kaczynski P.M, Renard Tm., Wouters J.* Upgrading the EU's role as global actor: institutions, law and the restructuring of European diplomacy. Brussels: Centre for European Policy Studies, 2011. 100 p. (In English).
9. *Emirbayer M., Johnson V.* Bourdieu and organizational analysis // *Theory and Society*. 2008. Vol. 37. No 1. Pp. 1–44. (In English).
10. EU Neighbourhood Info Centre [Electronic resource]. URL: http://www.enpi-info.eu/main.php?id=344&id_type=2 (access date: 10.04.2015). (In English).
11. *Europe's Global Role: External Policies of the European Union* / ed. by J.Orbie. Aldershot: Ashgate, 2009. 284 p. (In English).
12. *Fligstein N.* Social skill and the theory of fields // *Sociological Theory*. 2001. Vol. 19. No 2. Pp. 105-125. (In English).
13. *Fligstein N., McAdam D.* A theory of fields. Oxford: Oxford University Press, 2012. 256 p. (In English).

14. Interregionalism and international relations / ed. by Hänggi J., Roloff R., Rüländ J. New York: Routledge, 2006. 384 p. (In English).
15. *Hatch M.J., Cunliffe A.L.* Organization Theory: Modern, Symbolic, and Postmodern Perspectives. 3d ed. Oxford: Oxford University Press, 2012. 384 p. (In English).
16. *Hyde-Price A.* “Normative power Europe”: a realist critique // *Journal of European Public Policy*. 2006. Vol. 13. No 2. P. 217-234. (In English).
17. *Hoffman A.J.* Linking organizational and field-level analyses: the diffusion of corporate environmental practice // *Organization and Environment*. 2001. Vol. 14. No 2. Pp. 133-158. (In English).
18. *Keukeleire S., Delreux T.* The Foreign Policy of the European Union. 2nd. rev. ed. Houndmills: Palgrave Macmillan, 2014. 408 p. (In English).
19. *Manners I.* Normative power Europe: a contradiction in terms? // *Journal of Common Market Studies*. 2002. Vol. 40. No 2. P. 234-258. (In English).
20. *Nicolaïdis K., Egan M.* Transnational market governance and regional policy externality: why recognize foreign standards? // *Journal of European Public Policy*. 2001. Vol. 8, No 3. P. 454-473. (In English).
21. *Pace M.* Paradoxes and contradictions in EU democracy promotion in the Mediterranean: the limits of EU normative power // *Democratization*. 2009. Vol. 16. No 1. P. 39-58. (In English).
22. *Scott W.R.* Conceptualizing organizational fields: Linking organizations and societal systems. – In: *Systems rationality and partial interests* / ed. by Derlien H., Gerhardt U., Scharpf F. Baden: Nomos, 1994. Pp. 203-221. (In English).
23. *Scott W.R.* Institutions and organizations. 2nd ed. Thousand Oaks: Sage, 2001. 280 p. (In English).
24. *Scott W.R.* Reflections on a half-century of organizational sociology // *Annual Review of Sociology*. 2004. Vol. 30. No 1. Pp. 1-21. (In English).
25. *Smith M.E.* A liberal grand strategy in a realist world? Power, purpose and the EU's changing global role // *Journal of European Public Policy*. 2011. Vol.18. No 2. P. 144-163. (In English).
26. *The Oxford handbook of organizational theory: meta-theoretical perspectives* / ed. by Tsoukas H., Knudsen Ch. Oxford: Oxford University Press, 2007. 666 p. (In English).
27. *Weick K. E., Quinn R.E.* Organizational change and development // *Annual Review of Psychology*. 1999. Vol. 50. Pp. 361-386. (In English).
28. *Youngs R.* Normative dynamics and strategic interests in the EU's external identity // *Journal of Common Market Studies*. 2004. Vol. 42. No 2. P. 415-436. (In English).